

**Наталья
Веселова**

**ТОЛЬКО
НЕТ
зеленых
чернил**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В38

Дизайн обложки *Виктории Лебедевой*

Веселова Н.

В38 Только нет зеленых чернил : роман / Веселова Наталья. — М. : КоЛибри Fiction, Издательство АЗБУКА, 2026. — 448 с. — (Имена. Российская проза).

ISBN 978-5-389-30954-8

В московской квартире двумя выстрелами в упор убита женщина. Многие могли желать ей зла, даже собственная дочь, которой мать последовательно и жестоко разрушала жизнь. А может быть, след злоумышленника тянется во времена ее молодости, в город Ленинград, где несколько старшеклассников организовали когда-то «тайное общество»? И как со всем этим связана полная страданий и приключений жизнь героической «дочери полка» во время Великой Отечественной войны — а ныне дряхлой старушки, чье сердце тоже, оказывается, умеет помнить, любить и ненавидеть?

В романе переплетаются трагическая судьба девочки, чудом выжившей в блокадном Ленинграде, история девушек и юноши, решивших бороться с системой, и драма одной семьи: бабушки, матери и сына, полная боли, любви и ударов судьбы.

УДК 821.116.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-389-30954-8

© Веселова Н., 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
КоЛибри Fiction

О, как мы любим лицемерить
И забываем без труда
То, что мы в детстве ближе к смерти,
Чем в наши зрелые года.

Еще обиду тянет с блюда
Невыспавшееся дитя,
А мне уж не на кого дуться,
И я один на всех путях.

Осип Мандельштам

Пролог

ДЕВОЧКА И ЛЕМНИСКАТА

Четыре большие девочки (им лет по шестнадцать-семнадцать, но у какого давно взрослого человека повернется язык назвать этих едва подросших детей девушками, что подразумевает некоторую взрослость!) и один отчаянно изображающий мужественность вихрастый мальчик такого же возраста готовятся тянуть серьезный жребий. За трехстворчатым кухонным окном на седьмом этаже типового купчинского¹ дома бледно-серой стеной стоит унылое февральское небо, едва тронутое первым дыханием приближающегося вечера, — неусыпное радио «Маяк» только недавно приглушенно пропищало со стены четыре часа. Электричество еще не включали, зато тревожное пронзительно голубое пламя газовой конфорки, иногда ядовито подмигивая оранжевым, невозмутимо подрагивает на идеально белой плите. Все пятеро поминутно

¹ Купчино — один из районов новостроек Ленинграда. (Здесь и далее — примечания автора.)

бросают на него исполненные непонятного ужаса взгляды — хотя странным сегодня на кухне кажется многое: зачем, например, хозяйка растелила на столе свежее, только что из прачечной, вафельное полотенце, поставила открытый пузырек с йодом, стакан с раствором марганцовки, разрежала два пакетика стерильного бинта... На черном крыле плиты рядом с горячей конфоркой лежат внушительного вида плоскогубцы, и здесь же, в белой с алой розой на боку эмалированной миске, находится странная и весьма неуместная штука: прямоугольный параллелепипед тусклого олова размером примерно со спичечный коробок. Это на самом деле типографская литера большого кегля. Много лет назад, отчаянной первоклассницей, одна из девочек повадилась лазить на животе под глухие железные ворота в неприветливой арке, принадлежавшей зданию серьезного, вероятно, предприятия. Под покровом дремучего питерского вечера девчушка умудрялась отыскивать на помойке в мрачном двореке, обнаруженном за воротами, замечательные цветные стеклянные шарики, бог весть отчего забракованные производителями, но для нее — бесценную валюту, способную оплатить практически любую разумную детскую мечту. И однажды среди шариков затесался металлический брусочек. Ни на что путное не сгодившись, он валялся в ящике детского секретера до самого выпускного класса — и только сегодня оказался совершенно необходимым для принесения скрепленной кровью присяги. На одной из двух меньших его граней можно видеть

выпуклую цифру восемь. Но это восьмерка, только если смотреть на нее вертикально, а раз-вернув на девяносто градусов, увидишь знак бес-конечности. Он называется странным словом лемниската — не сразу и выговоришь, а уж за-помнить... Но для того они все и собрались здесь сейчас, чтобы запомнить навсегда, в бесконеч-ность унести сегодняшний полный общей безот-радности день начала февраля тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, свою страшную клят-ву и знак лемнискаты...

— Ну все, хватит растягивать удоволь-ствие, — говорит какая-то из них. — Быстрее начнем — быстрее закончим.

— Воду холодную надо заранее включить, — добавляет другая девочка. — А то еще растеря-емся в нужный момент...

— Цифры написала? — с виду небрежно спра-шивает мальчик. — Жертвую для святого дела собственную шапку. — И он протягивает новую серую кроличью ушанку.

— Кроля, кроля, кроленька... — ласково гла-дит ее третья заговорщица.

— Дура ты, что ли, совсем? — вспыхива-ет четвертая подружка. — Это сейчас-то! — И, оборачиваясь к мальчику: — Не годится ушанка твоя для такого дела — все бумажки будут вид-ны у нее на дне. А надо, чтобы совсем вслепую. Никто не должен узнать какую-нибудь особен-ную... Нужна вязаная шапка, девичья... Да, да, вот такая! Ну что... Пора тащить... — С неосознан-ной мукой она обводит глазами остальных, слов-но ищет кого-то, кто скажет: «Да что за ерунду

мы тут затеяли! Неужели нельзя поверить друг другу без того, чтоб всем покалечиться! Как маленькие, честное слово!» — И тогда остальные с готовностью закивают, изобразят кривенькие ухмылочки...

— Ой, девушки, у меня что-то — того... живот... На нервной почве, наверное... — жалко улыбнувшись, шепчет одна девчонка и быстро топает в сторону уборной.

— Вот так выглядит медвежья болезнь! А вы и не знали? — слышит она позади молодой басок затесавшегося в их женское общество парня — и за ним следует преувеличенно громкий взрыв нервного смеха.

— Смейтесь-смейтесь! — шепчет девочка, задвигая за собой защелку. — Посмотрю я на вас через десять минут... А тебе, гаденыш, чтоб номер один вытянуть!

Она тихонько достает из кармана черного форменного передника плоский металлический футляр с плотно пригнанной крышкой. Он внутри сейчас стерильный — они с мамой сегодня утром кипятили его в кастрюльке вместе со шприцем и иглами почти час, а потом мама сама набрала полный шприц новокаина, сняла иглу и надела другую, осторожно положила готовый инструмент в эту вот коробочку и отдала дочери. «Я уверена, что ты не испугаешься, — сказала мама. — Это ведь не больней, чем прививка. И вообще, нужно уметь самой себе делать уколы — так, на всякий случай, мало ли что... А сегодня — даже не сомневайся. Представь себе, что ты, например, Штирлиц. А они все — разные

там Барбары Крайн¹. Собственно, они от нее недалеко и ушли. Так что не вздумай мучиться совестью — это они должны страдать из-за того, что изменяют Родине, а ты все правильно делаешь... А уж уколиться — вообще ерунда». Мама не знает, что две недели назад ее дочке уже несколько раз пришлось, извернувшись, вонзять стальную иглу себе в задницу: старшая сестра дуры-одноклассницы грамотно разъяснила, какие именно гормоны надо колоть при задержке, чем раньше, тем надежней, — да сама еще и купила в аптеке искомые ампулы... К счастью, подействовало, и еще как. Жаль только, что с невинностью распрощалась так глупо — на Новый год, в чужом доме, по пьяни: за такую по нынешнему времени редкость можно было бы от какого-нибудь не слишком дряхлого любителя срывать первые бутоны получить очень нехилые дары — и в моральном, и в денежном эквиваленте, а она просто взяла и профукала на ровном месте такой крупный оборотный капитал... Впрочем, может, так и лучше — это дает нешуточную свободу, она сразу почувствовала ее пряный вкус — еще тогда. Но теперь не об этом.

Девочка быстро закатывает рукав школьного шерстяного платья (его колючая жесткая ткань — вот что такое настоящее ежедневное мученье, а не смешные комариные укусы)

¹ Барбара Крайн, унтершарфюрер СС, смотритель и радист конспиративной квартиры гестапо в культовом телесериале 1970–1980-х годов «Семнадцать мгновений весны».

и, стараясь не брякнуть железом, трижды ловко колет себя туда, где обычно ставят реакцию Манту, между локтем и пульсом, каждый раз впрыскивая под кожу треть от всего объема лекарства. Три легких укола на расстоянии сантиметра друг от друга. Потом она аккуратно прячет шприц в футляр, сует его в карман, расправляет рукав, громко спускает воду из бачка и торжественно выходит к остальным на кухню. «Теперь только б мне не вытянуть чертову единицу! — со страхом думает девочка. — А то ведь новокаин может так быстро не подействовать! Когда зуб лечила у этой маминой подружки, как ее там... четверть часа в коридоре сидела, пока десна заморозилась...»

Литера «8» уже саламандрой нежится в си-нем огне, огненная цифра постепенно словно наливается пунцовой кровью, смотреть на нее откровенно жутко. Пять сложенных во много раз тетрадных листочков с цифрами ссыпают в шерстяную шапку, долго трясут ее со странным усердием, наконец, кладут на стол и нежно расправляют.

— Я первый... — солидно говорит парень, желая подать твердый мужской пример всему затаившему дыхание «цветнику».

Он трижды суетливо плюет через левое плечо, решительно просовывает руку в отверстие, вытягивает и сразу разворачивает свой жребий.

— Вот б... — почти вырывается у него. — Я и тут впереди планеты всей...

— Ты же так и хотел, — чуть презрительно пожимает плечами девочка, и у нее отлегает от

сердца: теперь, пока эти курицы будут вокруг него бегать и кудахтать, место для будущей «бесконечной» метки уж точно онемееет достаточно.

Мальчик стискивает зубы, лицо его становится совсем пепельным от страха. На миг всем кажется, что он сейчас позорно сдрейфит, выскочит за дверь и убежит. Но нет — парень делает решительный шаг к плите, чуть дрожащей рукой берет плоскогубцы, секунду помедлив, выхватывает ими лемнискату из сердцевины огненного цветка, мгновенно прикладывает ее к предплечью выше запястья — раздается короткий вой, плоскогубцы и литера с грохотом и шипеньем падают в раковину, а мученик, какое-то время похватав ртом воздух, пунцовыми на фоне лица губами прерывисто произносит:

— Клянусь до последней капли крови... служить нашему святому делу... на благо великой Родины... Быть честным, смелым и преданным... Хранить тайну даже от самых близких... Выдерживать любые испытания, но не изменить своему долгу... Но если вольно или невольно я выдам врагам... тайну общества лемин... лемми... «Лемниската»... то пусть товарищи мои покарают меня... так, как сочтут нужным... вплоть до смертной казни... Вот. Все. — И он со стоном сует руку с зияющей раной в форме знака бесконечности под струю ледяной воды.

Подруги кидаются к герою и начинают с жалостливым щебетом хлопотать вокруг него, забыв на время о собственном грядущем испытании. И все они чуть позже благополучно проходят его, друг за другом вытянув каждая

свою бумажку, — в целом примерно с той же реакцией и последствиями, как и у храброго первопроходца.

«А вдруг новокаин против такой нечеловеческой боли не подействует? — колотится у девочки смятенная мысль, когда она в свою очередь берет в трясущуюся руку плоскогубцы. — Это ведь не зуб сверлить...» — И она начинает на всякий случай орать: «У-у-у!» — уже за секунду до того, как раскаленный металл касается ее тонкой кожицы. Невыносимой жгучей боли нет — есть далекая и тупая, слабо ломящая, но крик заглушает и ее. Орудия пытки летят под кран, и предательница, изображая боль и потрясение, шепчет, глядя не на честных товарищей, а на свою изувеченную руку:

— Клянусь... не изменить... вплоть до смертной казни...

По крайней мере, теперь она в полном праве дома потребовать у матери купить ей дубленку. С вышивкой. А к выпускному — золотое колечко на безымянный палец. С изумрудиком. Последнее время она уверена, что у матери вполне хватит на это и денег, и возможностей. «Ты что, думаешь, на мои доходы мы ездили бы каждый год на курорты? Жили бы там в отдельных номерах, ни в чем себе не отказывая? Ели бы... ну хоть вот эту колбаску? И эту рыбку? А кофейком таким твои подружки тебя угощали? И джинсы “Монтана” ты бы носила? А сапожки финские? Сама подумай! Не маленькая уже — пора бы и понимать, что для такой жизни другой источник дохода нужен! Совсем другой...» Теперь

девочка понимает. У нее тоже вроде как зарплата — пока вещичками, а там... Там она сумеет добиться гораздо большего, чем подачки, которые так благодарно на лету хватает мать. Но для этого надо сначала доказать свою профпригодность и верность делу. Настоящему большому Делу. Эти пусть воображают себе что хотят, а она точно знает, зачем пришла сюда, в мерзкий нищий дом, и получила первый пожизненный шрам на собственной молодой шкуре. Она стала сегодня бойцом, а настоящему бойцу не обойтись без шрамов.

Подружки делают ей бережную перевязку, утешают, обнимают, целуют...

Девочка тоже целует в ответ все подставленные мокрые от слез щеки.

ЧАСТЬ I

Глава 1

ПРИВЕТ ОТ ДЖАБАРИ

Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Владислав Ходасевич

Как раз в год его рождения, ранней бледно-золотой весной, на широкий экран вышли две первые части знаменитой экранизации «Войны и мира» — с особым, непредсказуемым результатом: спустя семь-восемь лет в каждом классе дети делились на три группы: Андреи, Наташи — и все остальные. В их первом «А» Андреев с ним вместе оказалось шестеро, а Наташ — восемь, и учителям ничего не оставалось, кроме как называть несчастных жертв культурного досуга родителей только по фамилии.

Это, конечно, мама удружила — мама, всю жизнь проискавшая своего собственного, личного Болконского и решившая обрести его хотя бы в сыне, раз уж с мужем не получилось. Андрей так никогда и не понял, как вообще его

трепетная и утонченная мама могла выйти замуж за похожего на ломового коня отца — напыщенного образованца, упрямо, шаг за шагом выбравшегося из болота асоциальной семьи. В родительском гнезде, где отец Андрея когда-то увидел свет, весело проживала пара вполне счастливых и довольных друг другом супругов-алкоголиков, не обращавших вовсе никакого внимания на единственного сына, презрительно созерцавшего их беззаботное бытие, где уверенность в завтрашнем дне обеспечивалась двумя едиными проездными билетами, в конце месяца неукоснительно приобретающимися с полочки. «Даже если последнюю монетку пропьем, раз карточки есть — наутро до работы доберемся», — назидательно провозглашал дедушка, а бабушка радостно кивала. Сын их, зарекшийся от любого спиртного с младенчества и на всю оставшуюся жизнь, поступил в профтехучилище, добился общежития, окончил курс по электромеханической части с красным дипломом — и был в приоритетном порядке принят в престижный политех, где на последнем курсе додумался вовремя вступить в партию, благо происхождение имел самое знатное — пролетарское, а убеждения — точно такие, какие положены были в каждый отдельный момент истории... Лет через десять после диплома — обидно синего, но этот неприятный факт ни на что существенно не повлиял, — сын допившихся до цирроза алкашей, которых давно и знать не желал, уже был обладателем служебной двухкомнатной квартиры в Купчине — от завода, где трудился

старшим инженером, мужем худенькой миловидной женщины — конструктора из своего же цеха, отцом годовалого щекача Андрюшки, удивительным приспособленцем по жизни и отменной сволочью. Впрочем, последнее окончательно вскрылось лишь через семнадцать лет, — хотя жить с самовлюбленным идиотом маме и раньше, конечно, было несладко...

В общем, не Болконским оказался его покойный родитель и даже не Безуховым, а... Спустил еще сорок с лишним лет в зале ожидания питерского аэропорта Пулково, где из-за внезапно-го злого летнего циклона, по-разбойничьи напавшего на беззащитный город, на несколько часов задержали все рейсы, Андрей пожал плечами и в который раз задумался: какого бы показательного мерзавца откопать в русской литературе, чтоб походил на Артура Васильевича не-Болконского? Он поежился: почему именно пропойцы и по сей день так часто называют детей Артурами, Эдуардами и Анжеликами? Во всяком случае, гнусное отчество по предателю он носить не собирался и в восемнадцать лет в сельсовете утонувшего в псковских лесах волостного центра получил новый паспорт, сменив высокопарного «Артуровича» на посконного «Ивановича». Иваном звали хорошего, честного человека, сельского учителя математики — второго маминого мужа, к которому совершенно не хотелось применять противное, жесткое слово «отчим». Это с ним вдвоем они поднимали и перестраивали их гнилую, косо оседающую на землю, как пьяная баба в полуобмороке, старинную

деревянную избу; это он ежеутренне, вставая ради этого на два часа раньше, чем мог бы, возил пасынка — вот тоже словечко! — на своем выносливом песочного цвета четырехста двенадцатом «москвичонке» в Псковский педагогический институт — чтобы парень мог спокойно жить и готовиться к занятиям дома да не одичал в казенном общежитии; это он принял сердечное участие в судьбе уже взрослого, по факту чужого парня, как будто не нуждавшегося в особом воспитании, и стал ему добрым другом и ненавязчивым советчиком — настоящим любящим папой, о каком многие ребята тайно и бесплодно все юношество мечтают... Иван Викторович тоже не относился к «болконской» породе — мог не пропустить маму в дверях или не догадаться подать ей, беспомощно оглядывающейся и поводящей плечами, пальто с вешалки, не рассуждал о глубине небес над местным злаковым полем, тоже успевшим дважды побывать полем битвы, когда сначала приходили, а потом убегали немцы, — хотя в одухотворенности любого трехсотлетнего дуба был убежден с детства, как и всякий крестьянский сын. Когда умирала мама, Иван самовольно — и выгнать его не сумел даже хамоватый главврач — поселился в районной больничке, много дней являя собой местную достопримечательность: одинокую, трагическую, прямую и угловатую фигуру, проводящую полубессонные ночи и тяжкие дни на увечной табуретке у кровати страдающей любимой женщины.

В те дни Андрей снова, как в юности, в годы дружбы с теми четырьмя умненькими девчон-

ками (как всегда, при воспоминании о них он рефлекторно почесал белый шрамик-восьмерку на предплечье), получил повод убедиться в горечи от века положенной женщине доли. Все палаты в больнице стояли открытыми настежь, и, ежедневно навещая неотвратно угасавшую маму, он мог разглядеть по дороге во всех мужских палатах, у изголовья каждого страдальческого одра, по одной напряженно и кротко застывшей женской фигуре, ревниво оберегающей покой больного, готовой взметнуться при малейшей надобности и броситься на помощь. В женских «лежачих» палатах никто не сидел с утра до ночи и ночь напролет. Женщин лишь периодически навещали по выходным, и то не часто и не всех. Им было — и всегда будет — предписано справляться самим: не хватало еще нянчиться с бабой, нагло посмевавшей улизнуть из дома в больничку в самую колхозную страду, свалив огород и хозяйство на и без того «как конь пашущего» круглые сутки мужа. «Голова да живот — бабьи отговорки» — это на Руси затверженная аксиома. Прооперированных и выписанных женщин и забирали из больницы на машине не каждый раз — доедут и на трясушем автобусе, не сахарные, не рассыплются.

Сидел у постели жены с начала — когда ее привезли из операционной с залитым слезами пугающе белым лицом — и до конца — когда последний свет жизни беспомощно выкатился из ее уже равнодушных глаз — лишь один муж из всего Пушкиногорского района: Иван

Викторович, подлинный папа Андрея и мамин единственный настоящий муж.

Отчество по нему Андрей носил с неизменной гордостью.

«Нет, надо было “Сапсаном” в Москву ехать, его хотя бы не задерживают... Наверное...»

За его спиной уже несколько минут раздавался визгливый и протяжный женский голос, обладательница которого задержкой рейса была, кажется, даже довольна: это давало ей возможность без помех сообщить всем желающим и нежелающим в радиусе двух метров, какие «непередаваемо ужасные» десять дней они с дочерью только что провели в каком-то дрянном отеле курортного Египта. Их заселили в отвратительный номер... Она терпеть не может заносчивую службу... Лично она привыкла к большему разнообразию в еде... И посуда на столе какая-то не презентабельная... Скатерть странная...

У Андрея, приговоренного к прослушиванию драматического монолога (в битком набитом возмущенными гражданами зале попытаться переменить место означало, скорей всего, лишиться его вовсе), создавалось впечатление чего-то очень знакомого и неприятного: определенно, женщина обращалась не столько к смирной, молчаливой дочке, сколько к воображаемому зрительному залу, уверенно чувствуя себя залюбленной публикой примой. Несчастливая дама так усиленно пыталась донести до окружающих свою принадлежность к неведомому «высшему обществу», что хорошенько стукнутому судьбой еще в ранней молодости Андрею, например, было совершенно

Литературно-художественное издание
Эдеби-көркем басылым

Веселова Наталья

ТОЛЬКО НЕТ ЗЕЛЕННЫХ ЧЕРНИЛ

Ответственный редактор *Д. Захарченко*
Литературный редактор *Т. Тимакова*
Художественный редактор *В. Лебедева*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *И. Малыгина, О. Ануфриева*
Верстка *Л. Харченко*

В оформлении обложки использована фотография
© cliplab / shutterstock.com

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 19.11.2025

Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 2500 экз. Т-RPI-40164-01-R. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» – 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ – 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел.: (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

